

**Алексей
КАЗАКОВ**
г. Челябинск

ПОЮЩИЕ ТОПОЛЯ ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ

Слово о художнике-сказочнике Руси Кологривской

*...Я вам не шут гороховый,
а и русский народ тоже.*

Е. Честняков

***Из Нижегородских земель, от Светлояра,
лесные тропы и река Унжа привели меня
к заветному камню, что стоит
посреди заброшенной
деревни Шаблово Костромского края...***

***То была Русь Кологривская
самобытного художника-мыслителя
Ефима Честнякова.***

* * *

В середине 1970-х годов по Москве и Костроме прошла внезапная волна выставок неизвестного доселе живописца Ефима Васильевича Честнякова (1874 – 1961), оказавшегося учеником именитого И.Е. Репина (в скобках замечу, руководство мэтра было довольно общим, но памятным для обоих). Каждая новая выставка расширяла границы залов и количество представленных работ. Инициаторами тех вернисажей были Всероссийские художественные научно-реставрационные центральные мастерские имени академика И.Э. Грабаря и Кост-

ромской художественный музей в лице искусствоведов Савелия Ямщикова и Виктора Игнатъева.

«Окруженный хором Муз», Ефим Честняков, опираясь на «посох самодельный», прожил в глубине России почти 90 лет и умер в безвестности, соединив своим творчеством два века – XIX и XX, но не понятый современниками.

И это он провидел, написав:

*Вот сидит поэт крестьянский
За писанием всю ночь, –
А в деревне мех тальянский
Раздувают во всю мочь.*

*И горланят парни песни,
Нарушая всех покой...
Он сидит в избушке тесной
С превеликою тоской.*

*Он родился не для пира,
Не для распри боевой
И душою просит мира,
Горы струй воды живой.*

*Не ликует его муза
И поникла головой.*

*И, усталая от груза,
Оперлась на посох свой.*

*Уж давно, товарищ верный,
Своей правдою родной
Этот посох самодельный
Неизменно служит ей.*

*Я молюсь душою к свету:
Пусть придет к нам честный мир,
Чтобы бедному поэту
Свет пресветел был и мил...*

*Люди, все бы уступил вам:
Хлеб, и воду, и кафтан –
Лишь бы той ценой купил я
Для народа мирный стан...*

*Отложила муза лиру –
Дни идут невзгод моих...
Ищет взорами по миру,
Где источник вод живых.*

Этой рифмованной философией Честняков выражал состояние своей души. Его «стихов распевный голос» обладал многоголосьем волшебного языка – от деревни до интеллекта, – в котором органично проявился инстинкт русской речи (эту особенность, в целом, безотносительно опыта Честнякова, заметил еще в 1912 году К. Чуковский).

Как сказано у Честнякова в его простых и кратких рифмах:

*Нередко так: в стихах строка
Стоит загадкой на века.
А рядом, ради простоты,
Ты роешь фразы, как кроты,
Чтобы реченья понял всяк:
И кто обут, и кто босяк.
Напрасно то, пожалуй, брат:
Для всех стихи не подобрать.
Одним смешное не смешно,
Другим простое уж постно.*

* * *

Революцию он принял восторженно (подобно Клюеву и Есенину), славя ее стихами, как давнюю мечту о строительстве новой жизни. В местной газете «Приунженский вестник» в 1917 году Честняков опубликовал свое стихотворение «Собратьям», в котором горячо призывал:

*Возьмемся за дело, ребята-друзья...
Уж кормчие смело стоят у руля.
Натужился парус попутно мечте,
И бури стихают, и утро в окне.
Веселые дали красивых садов,
И много причалит к долине судов.*

В другой «сочинушке» на эту же тему он писал:

*Свободны мы, цепей уж нет.
Сияет над страной невиданное утро,
И солнце новое, повсюду виден свет,
И люди все иные...*

В те же дни в рукописной книжке Ефим записал: «Пусть дадут помещение, материал: я буду рисовать новую Россию...»

Вскоре он избирается в Совет крестьянских депутатов от Илешевской волости. В 1918 году в Кологриве открылся Дворец пролетарской культуры. Одним из самых активных и деятельных организаторов культурного строительства в уезде выступал большевик Ф. С. Чумбаров-Лучинский – комиссар в годы Гражданской войны, председатель местного ЧК и председатель Пролеткульта. Он увлекался поэзией, писал стихи, по его инициативе создавались кружки по ликвидации безграмотности, художественные студии, под его редакцией издавался журнал «Жизнь искусства». В кологривском особняке князя Абашидзе (ныне ул. Кирова, д.7) работали студии изящной и народной словесности, новейшей литературы, музыки, пения, французского языка, а также художественная студия, в которой преподавали прикладное искусство, скульптуру, архитектуру, черчение и живопись такие известные в Кологриве люди, как Н. И. Ладыженский (племянник художника Г. А. Ладыженского), М. П. Сокольников, завмузеем В. П. Чистяков, агент ЦИК по распространению печати В. Г. Базанов (будущий академик, директор Пушкинского Дома в Ленинграде) и Е. В. Честняков, о чем свидетельствует официальный документ, где сказано, что «предъявитель сего гражданин дер. Шаблово Илешевской волости Ефим Васильевич Честняков состоит преподавателем художественной студии Пролеткульта с 1 ноября 1920 года».

Тогда же, в 1920 году, Честняков организует в Шаблово детский сад, прообраз будущего Дома пионеров. Для него был выделен бывший дом управляющего Черногубова. В записной книжке Честнякова сохранились записи отчетов о работе детсада, порядок очередей жителей Шаблово на предмет посуточного охранения дома, в котором помещается детский сад, с росписями домохозяев (июля 5 дня 1922 г.), а также документы, сви-

детельствующие о хозяйственной деятельности руководителя, воспитателя и педагога Е. В. Честнякова. Он пользовался большим авторитетом у населения, активно участвовал в общественной жизни, избирался народным заседателем волостного суда, был членом комиссии по научному изучению родного края. И продолжал заниматься творческой работой: писал картины, стихи, готовил театрализованные представления, где главными участниками были дети.

Дважды, в марте 1924 года и в июле 1928-го, художник организовывал свои выставки в Кологриве в музее и городском театре (Народном доме).

О первой выставке местная газета писала: «Можно сказать, что большинство работ на выставке – жанр деревни, своеобразно переданный художником, с оттенком этнографическим, – что придает особый интерес выставке. То же самое можно сказать и об раскрашенных изделиях из глины (до 200 экземпляров, которые при объяснении художником как бы оживают, так как сопровождаются народным говором, текстом народных песен и проч. Не только быт деревни, но и сказочный мир нашел свое выражение в глине и красках» (В. Чистяков. О выставке произведений Е. В. Честнякова-Самойлова. Газ. «Крестьянская правда», 1924, 9 апреля).

Вторая выставка была задумана и проведена автором как составная часть большого концерта, который состоял из пяти отделений: «Кавказский пленник», «Музыкальный дивертисмент», «Женихи и невесты», «Шутки для молодежи», «Дивертисмент. Словесность». На вечере кроме литературных произведений, прозвучавших в исполнении автора, были показаны и озвучены малая скульптура (глинянки) и живопись.

Однако пролетарские власти и уездная публика равнодушно отнеслись к новациям шабловского энтузиаста-просветителя. А опрометчивые высказывания о его работах больно ранили Ефима Васильевича.

«Не откликнулись они тогда. Простые люди оказались душевнее, а интеллигенция с задиром встретила, с поверхностным суждением», – так рассказывал сам художник.

А ведь он пешком, на себе нес выставочные экспонаты за семнадцать верст из Шаблова в Кологрив, желая просветить местных жителей...

Подобное испытывают многие творцы, опережающие свое время. Так, например, известный писатель предреволюционных лет Дмитрий Мамин-Сибиряк, которого также душевно ранило полное непонимание столичной петербургской критики его литературных трудов, признавался в письме к другу: «Я подарил им целый край с

людьми, природой и всеми богатствами, а они даже не смотрят на мой подарок».

Боль за непонимание собственного творчества со стороны окружающих сказалась в горьких размышлениях художника:

«Непонимающий человек его (творчества) не заметит и может дать ему лишь низкое применение, вроде того, например, как покрыть прекрасной картинкой крынку с молоком. В наше время столь много потребителей шаблонов от культуры, что она стала похожа на капусту в огороде, наполненном бродячими козлами. И много-много нужно шаблонов для их насыщения. Оригинальное же утопает подобно зефиру в буйных ветрах».

О назначении поэта-художника применительно к общественной жизни говорят сами заглавия стихов Честнякова: «О народном языке», «О шаблоне», «Об импровизации и цензуре», «Я всем властям неподходящ...»

И вот, несмотря на такую подвижническую деятельность, все попытки Ефима Васильевича передать при жизни в местный музей свои картины, скульптуры и рукописи были равнодушно отвергнуты. После смерти Честнякова соседи быстро разобрали его художественные «дикины» по дворам, житейский скарб растащили, многие бумаги просто сожгли...

«И чему тут удивляться? Таков обычный итог просветительского подвижничества в русской деревне: то ли было – то ли не было, а если все-таки было – так быльем поросло. Все обстоятельства и события жизни художника складывались так, что имя его, чуть проявившись на скрижалях духовного опыта русской культуры, тут же ушло в тень. Все вело к тому, чтобы истлели листья и исчезли плоды сада его трудов. Однако, в конце концов, история распорядилась по справедливости. Пришли заинтересованные люди, им выпала честь собирать творческое наследие Е. В. Честнякова. Опубликованы книги о нем, написаны сотни статей, в которых с разных точек зрения осмысливаются его искусство и подвижническая жизнь. Его картины, любовно отреставрированные, выставлены в музеях на обозрение новым поколениям», – писал искусствовед Р. Е. Обухов, автор многочисленных публикаций о самобытном Пиросмани Костромского уезда.

* * *

... Ключевое необходимое отступление. В свое время я довольно часто общался и делал интервью с агрономом-самородком из Зауралья Терентием Семеновичем Мальцевым (1895–1994). Он поразительно напоминал мне личность Ефима Ва-

ильевича Честнякова (думаю, что коллогрировский подвижник слышал о Мальцеве, которого знала вся Россия). Напоминал философским складом ума, осмыслением явлений природы и общества. Был тот же подход через наблюдение за окружающей средой. На протяжении его долгой, почти вековой жизни многие воспринимали его то чудаком, то целителем, то ортодоксальные академики от сельхознауки старались из зависти принизить его поиски в области философии земледелия, считая всего лишь толковым полеводом-опытником. Собственно, таким он и был, когда ходил босой по сырой непрогретой теплом весенней земле, чтобы кожей понять-прочувствовать сроки сева, сдвигая будущие посевы ближе к лету, чтобы они дотянули до самых обильных осадков летней поры, дабы избежать сначала заморозков на почве, а потом засухи. У себя на вверенных ему опытных колхозных полях не позволял попусту тревожить землю, внедрив свой безотвальный плуг, сохранявший тонкий верхний слой плодородной почвы – гумус, что формировался веками...

Местный председатель колхоза слышать не мог имени Мальцева, ибо тот часто поправлял его бездарную деятельность, поучая хозяйствовать в согласии с природой, не позволяя губить почву тоннами минеральных удобрений.

Долгими зимними вечерами за кипящим самоваром он упорно говорил о сохранении именно гумуса, убеждая учиться у природы, выявляя ее особенности, дабы не превращать почву в «выскирные» (говоря языком костромского говора) вывороченные усыхающие пласты, теряющие плодородие и влагу.

Он, к слову, добивался, чтобы в деревне дети учились с октября до конца апреля, больше приобщаясь к труду родителей. В этом также была его общая философия земледелия. Как и Честняков, Мальцев по натуре был педагогом-просветителем, наставником юных, – поистине народным учителем.

В своих бесконечных трудах он был велик и... одинок, хотя рядом была семья и многочисленная родня. Да, в жизни Терентия Мальцева было много горьких раздумий и бессильного одиночества, когда его не понимали и шельмовали, заставляя насильно запахивать семена в мерзлую почву под ружьем присланного из райцентра милиционера... Замечу, что и к непонятному Честнякову присылали из Кологрива присматривать за ним местного «человека с ружьем», дабы чудаковатый старик не позволил себе лишнего в словах и поступках...

Вот и аграрное учение Т. С. Мальцева до сих пор не осмыслено и толком не освоено на практике, хотя, как говорил поэт: «Большое видится на расстоянии...»

Убежден, Мальцев внутренне, физически и морально ощущал себя крепостным советской власти, будучи формально обласкан и знаменит: дважды Герой Соцтруда, депутат, лауреат Госпремии, народный академик. Внешне – слава, почет, награды. А по сути – непонимание и круговое равнодушие повсюду, за редким исключением. Очевидно, это удел самобытных личностей. Как говорил другой поэт: «Пророков нет в Отечестве своем, да и в других Отечествах не густо...»

* * *

Прямо скажем, историческая справедливость по отношению к Честнякову явно затянулась. Прошли десятилетия, прежде чем Россия открыла для себя имя провинциального мастера-затворника, создателя утопически-реального «цветущего Светограда». Хотя подступы к шабловским сокровищам были, но из этого ничего не получилось, видно, в ту пору еще не пришло их время, что вновь отразилось в его провидческих стихах:

*Одни со мною утешенья:
Молитва, чувства, слово, стих.
Давно зовет меня служенье
В краю обителей святых.*

*Земная дева как полюбит
Пугливо-бледный скорбный лик?
Я жду, когда труба вострубит
И всенародный будет клик.*

*Тогда в кругу друзей нарядных
Войду в цветущий Светоград
И в саде с гроздьев виноградных
Я буду ягоды срывать.*

Вскользь замечу, что эти поэтические строки очень близки по эмоциональному настрою и тематически современнику Честнякова, крестьянскому поэту из подмосковного Талдома, «чертухинскому балакирю», содружнику С. Есенина – Сергею Клычкову.

В разные годы, начиная с 1920-х, людьми из близкого окружения Честнякова делались попытки пропагандировать его самобытное творчество. Среди них были: писатель-земляк И. М. Касаткин (друг Есенина, редактор Гослитиздата и журналов «Красная нива» и «Колхозник»), в 1950-е годы ходатаем прошел по многим инстанциям друг и помощник Честнякова А. Г. Громов, преподаватель Кологривского педтехникума (впоследствии репрессированный за публичное чтение стихов Есе-

нина). И, наконец, в 1960 году, за год до смерти художника, с ним случайно встретились (судьба!) участники экспедиции Костромской научно-реставрационной мастерской в лице архитектора И. Ш. Шевелева и его товарищей.

Оказавшись в Шаблово, их внимание привлек необычный дом, похожий на двухэтажный овин. На вопрос, кто в этом доме живет, жители отвечали: «Старик святой». Обитатель дома, как выяснилось, оказался художником, а главное, учеником знаменитого Репина.

Из воспоминаний И. Ш. Шевелева:

«Действительно, удивил овин, чувствовался оригинал, не знающий никаких архитектурных канонов и правил, – это притягивало; мы свернули с дороги на огороды, где что-то делали две пожилые женщины. Разговорились с ними. От них мы узнали, что дом-овин принадлежит учителю, который, приехав когда-то давно из Петербурга, поселился здесь и почитается всеми как одаренный и святостью, и талантом целителя – живущий ради детей и для них художник. Миром поддерживают его хозяйство, но дом уже непрочен, крыша течет; сам он должен скоро прийти. Мы решили ждать... Я увидел его внезапно, уже в сумерках, в нескольких метрах: невысокий старик, босой, в белых портах и рубашке навыпуск. Подошел к нам, заговорил... Жест его был – уходите. Мы замаялись, и тут он увидел лицо нашей Ани (*участницы экспедиции. – А.К.*) и... позвал нас к себе. В комнатках, на которые членился овин в первом этаже, был полумрак. Стены затянуты холстом, покрытым почерневшей живописью, которая в полумраке казалась пространством помещения, наполненным фигурками. И глиняные фигурки людей, расставленные на лавках, казались выступавшими из холста, а точнее, из стен, потому что все стыки стен, обитых холстом, и стыки потолка тонули во мраке. И все лица детей и подростков, глядевшие на нас с холстов и в глине, были лицом нашей Ани!! Впечатление от встречи с Честняковым было сильным. Поразила его человеческая незаурядность и та духовность, которая в обыденной жизни нам не встречается, но которая чувствуется; его целостность и посвященность одной идее и одному образу. В Костроме я делился этим впечатлением со многими и, конечно, с директором музея М.М.Ореховой... Но сразу после возвращения я пошел на прием к заместителю председателя облисполкома Марии Софроновне Осипенковой, рассказал ей о Честнякове и просил помочь. Было ли это сделано – не знаю».

Так, еще одна редкая возможность получить художественное наследие Честнякова непосредственно из его рук была в очередной раз упущена. И не только из-за равнодушия местных чиновников от культу-

ры. По настоянию Шевелева художественный фонд Костромы направил в Шаблово директора картинной галереи художника А. И. Яблокова (он в то время считался самым знающим мастером). Побывав в Шаблово и лично увидев творчество Честнякова, Яблоков пришел к выводу, что Ефим Честняков не художник, а так – просто любитель, изображающий в основном деревенские бытовые сцены.

«Не помню, в каком году сотрудники музея ИЗО делали отчет о проведенной ими экспедиции. Директор музея Виктор Игнатъев рассказал, что они открыли очень оригинального художника и скульптора. У меня невольно вырвалась реплика: «Что, второй раз открыли Честнякова? Ведь его открыл Шевелев в 1960 году, Анатолий Иванович Яблоков – закрыл». Не помню, что ответил Игнатъев, а Яблоков встал и покинул зал», – вспоминала М. М. Орехова.

Да, так было, многие профессионалы, искусствоведы и художники, поклонники шаблона и канона, спотыкались при виде работ Честнякова, проявляя поверхностные суждения, неправоту и предубежденность первых впечатлений, не понимая, что «от шалашки этой вот городок произойдет».

«Ефим... он не от безумия странен, а от условий, которые стесняют талант», – заметил как-то в разговоре К.П.Счастливец, директор кологривского педтехникума.

Об этом же еще в 1902 году писал академик живописи Императорской Академии художеств И. Е. Репин в своей рекомендации:

«Если лицам, оказывающим поддержку Е. В. Честнякову, нужно знать мой о нем отзыв, то повторяю, что господин Честняков обладает темпераментом художника, проникнут стремлением к искусству. И тому успеху, который от него ожидается по его способностям, мешает главным образом, по его словам, недостаток в материальных средствах».

* * *

Вспоминая о времени своего ученичества в Северной столице с 1899 года, Честняков с горечью говорил: «Питер... Питер бока вытер...» И добавлял в стихе:

*Одним удобство и почет,
Сребро и золото течет,
А у других не жизнь пока –
Томятся в голоде, нужде,
Дрожат без хлеба на дожде.*

Сумев преодолеть сопротивление родителей, не пускавших его в Петербург, Ефим не смог совладать с нуждой, отражающей его реальное бытие:

*И вам сказать о нем стесняюсь я:
Ведь хлеба у него, поэта, нет, друзья.
Голодный он в народ искусство носит, –
О том его никто не спросит.*

Близкий друг Честнякова, учитель Александр Громов писал о нем:

«Ефим Васильевич не мог ни приспособливаться, ни кривить душой. Из разных разговоров, которые велись в самой непринужденной обстановке, я вынес убеждение, что замкнутость, свойственная Честнякову, была в его натуре, и она усилилась в результате жизненных обстоятельств. Отгороженный своим «плебейством» от круга, в который он попал в молодые годы, он не почувствовал в нем уюта, сердечной теплоты.

– Фальши много, – как-то обронил он при воспоминании, – а простоты нет.

– Художник должен быть перед совестью, – говорил он.

Он стремился приблизить свои полотна к крестьянскому сознанию, даже следуя традициям народного лубка.

– В нем, лубке, есть народность. Хороший лубок – классика, – признавал Честняков.

Честняков оставил Питер – и спас, как он однажды сказал, свою душу от соблазна, сохранил свое лицо.

– А жизнь-то ведь требовала хлеба. Да и помогать надо было своим, – вспоминал он не однажды и в разных обстоятельствах. – Жизнь в Питере суетная, беспокойная. Человеку без средств там можно потеряться...

И решил он вернуться в родное Шаблово. И сейчас-то ближайшая железная дорога проходит от него почти в ста километрах, а в юношеские годы Честнякова сообщение с городом зачастую осуществлялось только по Унже. Вековая дрема окутывала быт не только деревни, но и уездный Кологрив...

Стал Ефим Васильевич изображать крестьянскую приунытую жизнь, стремясь передать ее пробуждающееся стремление к обновлению. Но соседи не могли понять, как можно тратить время на художества, когда в доме работы невпроворот».

* * *

С 1968 по 1980 год было предпринято несколько экспедиций в Шаблово. Инициатором этого подвижнического процесса стал директор Костромского областного музея изобразительных искусств Виктор Яковлевич Игнатьев. До 1999 года он был организатором и научным руководителем полевых экспедиций в Кологривском районе, чем

привлек внимание культурной общественности страны к новому имени в русском искусстве. Благодаря ему фонды Костромского музея пополнились многочисленными дарениями от местных жителей, связанных с жизнью и творчеством Е.В.Честнякова (в скобках замечу, люди с трудом расставались с честняковскими реликвиями).

Был открыт и поднят из глубин времени целый пласт самобытного искусства. Воскрешению рукотворного чуда шабловского мастера способствовала подвижническая деятельность реставраторов Москвы и Костромы.

Из «Записок художника-реставратора» С.С.Голушкина о работах Честнякова:

«У кого-то из односельчан они висели в красном углу, у других лежали на чердаках – «на понебье», как говорят в Шаблове; а бывало, что из-за недостатка холстины их использовали в иных, чисто утилитарных целях. Сам художник располагал ограниченными средствами. Часто ему не хватало холста, и потому он писал на картонах, фанере, кусках ткани, не предназначенных и не пригодных для живописи. И тем не менее полотна Честнякова сохранились. Они дошли до нас в тяжелом состоянии, которое, однако, все же позволило восстановить их и вернуть к жизни. Это говорит о том, что художник был настоящим мастером, хорошо знал технику и технологию живописи и в любых условиях считал необходимым соблюдать профессиональные требования. <...> Честняков же в поисках правильного решения композиции делал множество эскизов и этюдов и только потом приступал к работе над полотном. Такой принцип характерен для очень требовательных к себе художников.

Реставрация произведений Честнякова была не простым делом. <...> Почти на всех картинах имелись осыпи грунта и красочного слоя, требовалось их укрепление. На многих отмечались многочисленные утраты авторской живописи, которую приходилось восстанавливать. Все работы были без подрамников. Художник использовал их на декорации к своим театральным представлениям... Все полотна были очень загрязнены, покрыты слоем копоти и пыли, въевшимся в красочный слой. Многие картины крестьяне, по-видимому, пытались подновить, покрывая их красками и бронзой... Под тяжестью толстого красочного слоя холст рвался на части различной величины, и Честняков сшивал их суровыми нитками через край по живописи, а чтобы не было видно швов, прописывал по ниткам...

Несмотря на сложности реставрационных процессов, ни одно из найденных полотен не пропало».

Спустя семь лет после ухода Честнякова из жизни время стало работать на него – шабловские «диковины» обнаруживались и являлись миру все чаще и

неуклонно. Расширялась и география поисков: Кологрив, Шаблово, Крутец, Спирино... Это на его малой родине. А по России его художественные вещи отыскивались от Москвы и Ленинграда до Урала и Дальнего Востока.

Еще во время первой экспедиции В. Я. Игнатьева по Кологривскому району летом 1968 года произошел такой эпизод с главным хранителем Костромского музея Владимиром Макаровым. Лето выдалось жарким, Макарова одолевала жажда. Он остановил автобус напротив одной из крестьянских изб, постучался, вошел в нее, чтобы попросить у хозяев воды. Когда он переступал порог, то споткнулся и упал. Оказавшись на полу, он заметил странный половик. Потер его влажной рукой – под слоем грязи проявилась живопись! То был фрагмент-лоскут большой картины. Позднее были обнаружены остальные лоскуты от нее – всего пять. Расстелив их на лугу, поисковики увидели огромное живописное полотно Ефима Честнякова «Город Всеобщего Благоденствия».

В последующих экспедициях тот же Игнатьев находил десятки работ Честнякова, будь то фрагмент глиняной скульптурки или мокрый холст с остатками живописи...

Почти двадцать лет, вплоть до 1987 года, длилась череда художественных откровений работ Ефима Честнякова, представившая не только мастера живописи, но и философа, поэта, педагога.

В справке В. Я. Игнатьева о выставке картин, приведенной в его книге-альбоме «Ефим Васильевич Честняков», дан перечень двадцати одной выставки до 1987 года. Список этот постоянно дополняется. Более двухсот живописных полотен, 500 графических листов, несколько десятков глиняных скульптур Честнякова составляют богатство фондов Костромского художественного и Кологривского краеведческого музеев.

Необычность и таинство представленного ощущались во всем: в мерцающих холстах, населенных огромным количеством персонажей какой-то неведомой страны (Россия ли то была?) утопической сказочности, в сотнях глиняных игрушек-образов, в многостраничных дневниках, ставших откровением для многих из нас. Одним словом, мы вдруг узрели въяве великую ИНОНИЮ, иную страну, о которой мечтали в своих стихах-манифестах великие русские поэты-пророки крестьянской Руси-России Николай Клюев и Сергей Есенин (не случайно их имена звучали в разговоре с Честняковым о литературе). И этот огромный «чудесный щедрый яблок», созревший в глухом костромском лесу на «старой-старой яблоне», которым дедушко-крестьянин, словно Христос, накормил всю деревню. Как это просто и глубоко:

«Привезли домой яблок, и вся деревня сбегалась глядеть: «Кто вам дал?» – спрашивают. – «Бог дал», – отвечает дедушко. Почали. Стали пробовать: сладкий, душистый, рассыпчатый. «И мне, просят, и мне!» Дедушко дает всем. Вся деревня наелись, похваливают: такого-де дива не слыхивали. И ели дедушко и бабушка, мужик и баба, и ихние ребята – парнёки и девОньки... Кушали сырым и печёным, и в киселе, и перемерзлым, когда пришли холода. Соседам всем завсегда давали, особенно кто захворает. И хватило им яблока на всю осень и зиму до самого Христова дня» («Чудесный яблок», 1914).

Удивительно, что спустя пять лет после написания честняковской крестьянской притчи 24-летний Сергей Есенин воскликнет в своем стихотворном слове: «Все мы яблоко радости носим» (1919).

Это лирическое признание прозвучало как порыв ветра, что взметнул охапку опавших осенних листьев.

Два больших русских художника почти одновременно однажды подумали об одном и том же: о существовании земной радости для живущего человека, об истоках той радости. И каждому из них пришла в голову мысль о счастье-яблоке.

Так честняковская изобразительная словесность из глухого кологривского края отозвалась-аукнулась в есенинских «дальних рощах» рязанской Мещеры.

И словесность та была не простая, но привольная (как говорил Честняков: «привола»), обращенная из прошлого в будущее, – как и подобало живому кологривскому сказочному говору.

«Нет у нас ни одного издания, которое бы печаталось сносно – русским языком... язык их жеманный – наследие от людей фальшив(ых)... переиначивают мои выражения... Вместо слова «яблок» печатают слово «яблоко». Слово это употребляется много раз, и изменение, во-первых, мешает моему ритму сказки, что я считаю важным; и другие, зависящие от этого слова, меняют нежелательно форму; а во-вторых, вовсе не желаю, чтобы от моего имени так называли яблок... Вместо парнёков, как у меня написано, напечатали – паренков... Это неправильный взгляд на живой язык, он вечно развивается, освобождаящий себя от неуклюжей громоздкости, стремится к музыкальности, легкости, красоте, удобству произношения. Язык вырабатывается великим творчеством народа, если книжники относятся к нему небрежно, это признак, что они не отличают пшеницы от плевелов», – здраво рассуждал кологривский словотворец.

Сказку-притчу о чудесном щедром яблоке Ефим Честняков написал в первое десятилетие XX века, но она обращена и в новое тысячелетие, проповедуя

согласный мир и душевную доброту среди людей, живущих на этой земле. Неслучайно, показывая своим землякам эту картину, художник объяснял: «В любой из картин скрыта благодать Божия, и уразуметь ее дано не каждому».

По поводу индивидуального видения сказочного «мира чудесного» Ефим Честняков размышлял:

«Я только намеком нарисовал царство сказки: сам немного могу и вижу, да и слова человеческого языка, в живописи – штрих и краски, и в музыке нашей земной – звуки и сочетания, могут выразить то лишь отчасти. Временами видел ясно, но всегда... Некоторые так и не видят... А думают, что видят... То есть эти видят только то, что могут. Например, как кошка картину: не думайте, что она ее видит так же, как человек... Тогда бы она была человеком. Также и между людьми разница. Также о духовном мире... Одни видят только грубо материальное, другие прозревают больше... Ясновидящий уверяет их, а они не видят...»

О том же его поэтические строки:

*Давно ищущ певца страны родной...
Одеждой беден я, и посох самодельный,
Но братия стоит великая за мной,
И мир ее желаний чист и беспределен.*

*Не слушает она повапленных певцов,
Не созерцает образов кичливых и тяжелых,
Не служит идолам раскрашенным жрецов,
В болезнях пагубных нетрезвенно-веселых.*

*Она ждет хор, который неречен,
Но есть уже во многих песнопеньях.
От века в мире он рождаться обречен
В трудах и подвигах, молитвах и терпеньях.*

* * *

... Он родился в деревне Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии.

В метрической книге Илешевской церкви за 1874 год под номером 47 зарегистрирован факт рождения крестьянского сына Ефима Честнякова:

«Декабря 19-го родился Евфимий. Крещен 22-го числа. Родители его временнообязанный крестьянин г(осподина) Лермонтова деревни Шаблово Василий Самуилов и законная жена его Васса Федорова... Восприемниками были: бывший дворовый г(осподина) Баранова сельца Лучкина Ефим Артемьев и крестьянка деревни Суховерхово Екатерина Никитина...»

На вольном крутояре, раскинувшемся вдоль речного простора Унжи, Ефим Честняков обрел свое,

заветное, поняв его как жизненное предназначение. Да, он прошел школу Академии художеств в Петербурге (был в общих классах профессоров В.Е.Савинского, Я.Ф.Ционглинского, Г.Г.Мясоедова, Д.А.Щербиновского, И. И.Творожникова), посещал мастерскую школы Д.Н.Кардовского, общался со столичной богемой дореволюционного Петербурга – Федор Шаляпин восхищался сказками-притчами Честнякова, Илья Репин предлагал написать с него портрет странника – «Ефима-деревенца», но юноша гордо отказался. Познал мытарства провинциального учителя в соседних губерниях (до этого окончил Кологривское уездное училище, затем Новинскую учительскую семинарию в селе Новое Ярославской губернии, где в 1894 году получил звание народного учителя с назначением в село Здемирово Костромского уезда; учительствовал в Костроме в начальном училище для малолетних преступников, а позднее – в начальном училище села Углец Кинешемского уезда).

В итоге после всех поисков себя Ефим вернулся навсегда в отчье родное Шаблово к своим крестьянам, построив за долгие десятилетия света и тьмы, страданий и радостей, потерь и обретений собственную философию бытия. По сути – это философия мечты-утопии о мировом «Городе Всеобщего Благоденствия», желание построить в своей деревне прообраз «великой универсальной культуры», а точнее, о создании в Шаблове «Универсальной Коллегии Наук и Искусств», дабы воздействовать прекрасным на труд, быт и сознание людей, расстаться навсегда с отсталостью и убожеством деревни.

Но вызревала та философия из каждодневности быта и запечатленных мыслей в разговорах и на бумаге:

«...Зима без холоду не бывает. Так устроено. А лето без тепла. Все имеет свое назначение. И болеть недосуг. А когда нет на болезни времени, их и не бывает. Вот... Надо ложиться головой на север, по магнитной стрелке. И голова не будет болеть. Здоровья больше будет. Как народ-то говорит: «Держи голову в холоде, живот в голоде – не передай, а ноги в тепле». Хоть и в избе, а холоду к северу больше, а тепла на южной стороне. Да и сама природа так подсказывает, ведь недаром, опять же, говорят «земная ось». Мирозданье-то не просто так, а все целесообразно. И не надо его нарушать, а соблюдать надо. Лишнего не нужно: ни холода, ни тепла, а в меру того и другого. Вот, видишь, печка – я ее сам строил. Что в ней особого от других печек? Не одна печурка, а три углубления-то. Одно мелкое – для сушки потного, ну вроде рукавиц, когда они только потные, а вот это, поглубже – для сырого; а совсем глубокая печурка –

для очень сырого, когда, например, по воде пришлось проходить в лаптях и онучи намокли. Выдумал я сам такую печку. В каждом человеке есть и строитель, и разрушитель. Польза определяется тем, чего больше. Мнений много, а зерно правды одно...»

Из таких вот частностей складывался образ этого самобытного человека, рассказавшего в своих сказках истинную быль о времени и о себе:

«Жила-была деревенька – дворов тридцать. Стояла в лесу, от жилых мест не близко... Деревня располагалась по склону горы, с полдневной стороны к солнышку. Хорошей дороги не было. Сообщались больше зимой, когда болота замерзнут... а летом только в самое сухое время... Жители этой деревеньки не видели городов, железных дорог, пароходов. И кому приходилось слышать о таких диковинках, им это казалось совершенно чудесным. Как сказка...»

Так в «Сказке о летучем доме» Ефим Честняков описывает деревню Выскириху (от слова «выскирь» – пласт земли, обнажившийся вместе с корнями сваленного ветром дерева). Мы узнаём в ней его родное Шаблово. Раскинувшееся по склону горы, называемой здесь, как всякое высокое место, «шаболой». Думаю, что место это можно назвать и Шамболой – высотой духа, Державой Света в рериховском понимании («Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгорать заповедано», – говорил Н. Рерих). Обитель святых и праведников в далеких Гималаях соотносима с тихой обителью этого истога русского подвижника северной костромской Руси. Подготавливая будущую эпоху добра и истины, Ефим Честняков брал первые уроки в «тенишевской школе» в Петербурге (1901), организованной известной русской меценаткой княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой при участии И.Е. Репина. Среди учащихся той школы были сын Репина – Юрий, Елена Маковская, Иван Билибин.

* * *

В 1902 году Илья Ефимович сказал своему ученику: «А Вы, Честняков, думаете ли держать экзамен в Академию? Есть у Вас ценз? Если нет, лучше подождите... Таких много, а Вы могли бы поступить. Я Вас считаю незаурядным, у Вас талант. Когда я увидел Ваши рисунки, удивился, но нужно учиться».

О свадебных эскизах Честнякова: «Талантливо. Вы идете своей дорогой, я Вас испорчу... Гордый Вы человек... Да... Да... Вам нужно учиться. У Вас способности. Вы уже художник. Это огонь, это уже ничем не удержишь... Что еще сказать Вам? Участвуй-

те в выставках... Создавайте себе имя... Выставляйте на «Мир искусства...».

Из этого художественного гнезда молодой Честняков вынес убеждение о том, что необходимо найти свой путь в народном искусстве, крестьянской культуре. И он его нашел («Конечные цели мои – деятельность в деревне») в отчете Шаблове, которое мы вправе считать местопреимником тенишевского Талашкина под Смоленском и мамонтовского Абрамцева под Москвой. И давние слова Честнякова из письма к Репину подтверждают это:

«Вся суть дела в том, что не хочу я профанировать свою русскую душу, потому что не понимают, не уважают ее... Поэтому мне и приходится гордо замыкаться в себе. Потому что в стране не мы хозяева: все обезличившее себя заняло первенствующие места, а великое русское – пока вынуждено молчать до «будущего»: тогда оно польется могучей рекой и зальет собою всё», – писал с надеждой молодой художник в 1902 году.

Приуговаривая такое будущее, Честняков возвращается в 1914 году в Шаблово – навсегда! Только ближайший Кологрив и местные деревни станут его просветительской вотчиной, где несколько поколений крестьян пройдут честняковские художественно-нравственные университеты, слушая сказки-«сочинушки», участвуя в театральные действия на лесных полянах, деревенских улицах, в избе-овине, рисуя природную красоту северного края. Много было: деревенские игрища, хороводные представления, передвижной театр с декорациями, лепными игрушками, масками и... постоянная нужда, сопровождавшая художника с малых лет (лишь в 1960 году, когда Честнякову было под 90 лет, Кологривский райсобес назначил ему пенсию 8 рублей – после долгих споров и по настоянию общественности; чиновники отговаривались тем, что у старика «нет рабочего стажа».

Еще в 1920-е годы Ефим Васильевич писал другу-земляку Ивану Михайловичу Касаткину:

«Годы мои уходят, стал волноваться за судьбу своих словесных и изобразительных произведений... Время тянется в очень трудных обстоятельствах, а дело мое – плачет... Не знаю, как быть и что делать? Если бы я был только художник-рисовальщик, без общественных задач, мне бы можно было обслуживать округу крестьян рисованием портретов, как советует кое-кто, и получать таким образом кое-какие рубли... Но у меня (как у русского) широкие затеи: и лепка, и словесность, и живопись, и даже детский театрик, который, как и все мои искусства, совершенно бездоходен. А зимнего времени на него ухлопано порядочно: маски вместо грима (я против мазания), свирели, даже гармо-

нии. Музыкальных инструментов изобрел до десятка, только голоса не язычковые, а «духовые», что тоже изобретение в некотором роде».

Мечтатель сельский, он признавался:

*Я жил один во тьме людей,
Тьму разгонял светом идей.*

* * *

Он все время стремился возвыситься над убогой жизнью, желал «провидеть духом». Собираясь с детьми на шабловском взгорье, спрашивал то у одного, то у другого: «Ну что, летаешь во сне? Хорошо... Значит, растешь». И слово подкреплял подарком: вынимал из огромного кармана своего холщового халата им самим придуманные и сделанные глинянки, книжки-рисунки, свистульки.

Радостью для детей были познавательные беседы с художником. Так, например, в овраге за деревней, где трава такая густая и много цветов, вдруг спрашивал:

– Это какой цветок?

– Лютик... Колокольчик...

– А это?... Да, незабудка. А это вот, как часики, смотри... лепестки двигаются. А это?..

И он начинает стихами рассказывать о знакомых цветочках:

*Еще кум и Полинарья,
Цветик Прошенька-парнёк
И девонькин перстенёк,
Окулинино сердечко,
Белы, красненькие кашки,
Еще белые барашки,
Золотые сосунки.
Тута сладкие горошки
И Прокунины гармошки,
И репейник замухрастый,
И Ульяновин светоцвет,
И Олёнушкин привет,
Цветик пёстренький Марфутин
И цветочек белый Путин...*

«И люются из его уст названия цветочков с именами: Татьяны, Парани, Василисы, Кондрата, Тимохи, Терёхи, Настасьи, Одарьи...

Переходил от одного места к другому:

– А здись? А тут? А что ты слышишь? А бабочки-то, бабочки! Тоже разговаривают. Все – живое, все – живет. А летать ты умеешь?

– Не знаю. Как это?

– А вот так, – он взмахивает руками, подпрыги-

вает то на одной ноге, то на другой и бежит, а сам улыбается:

– Вот попробуй-ка!

Я взмахиваю руками и так же, как он, подпрыгиваю и бегу, бегу... Оба смеемся», – вспоминала З.И.Осипова. И добавляла: «Ефим Васильевич хорошо знал целебные свойства трав и цветов и, вероятно, умело пользовался этим и давал советы по их применению. У меня есть его стихотворение «У деревни на краю стара житница стояла». Так в этом стихотворении перечислено 58 названий разных цветов, причем многие из них несут человеческие имена. Сколько же надо любви к родной природе! Он одушевлял ее, обращался к ней в часы раздумий, и благодарная природа помогала ему творить добро во имя людей. Имея божественный дар целителя, ясновидца, он стеснялся признаться в этом не только другим, но и самому себе, скрывал свои необыкновенные способности, прикрывая это шутками-прибаутками, своеобразными действиями. Полагаю, что он все-таки обладал сильным биополем, нес в себе большую положительную энергию. Но в то время об этом нельзя было и подумать, не то что сказать вслух.

В своем произведении «Марко Бесчастный» он писал:

*Все грех несут, и грех-порок
До выдоха души своей.
И не всегда мой груз легок.
И не по воле ли моей
Я стал несносен, как пророк?*

Вот такой был Ефим Васильевич: простец, мудрец, «Ефимушко желанный», как называли его шабловские женщины.

Как мы далеки от него в нравственном отношении, в духовном совершенстве! Задумаемся над его словами: «Душа стремится к Богу. И бедная – будто пугается света, как существо, долго находящееся во тьме. Она не сразу узнает свою Родину – Небесное Отечество... И с течением времени все больше будет раскрываться будущее Вселенной. Жизнь многообразно будет проходить перед очами созданий... И жизнь Христа, земная и от века, все более будет видна и понятна».

Вот так многогранен был Ефим Честняков».

В одном из стихотворений он написал: «И славы не нужно, и мнения, в мире людей, и мила мне одна лишь улыбка детей». Как сказала одна из его воспитанниц: «С детьми он был как дитя. С мудрецами – мудрец».

Детскими глазами художник глядел на мир, воспринимая его через детские образы. Сами назва-

ния картин умиротворяют: «Мир», «Феи», «Слушают гусли», «Детские забавы», «Тетеревиный король», «Крестьянские дети», «Мелодия», «Щедрое яблоко» («Чудесный яблок»), «Праздничное шествие с песней. Коляда», «Шабловский хоровод», «Три грации».

А уж сказку для детей называл совсем невероятно, так, чтобы дети почувствовали вкус родной речи: «Сказка про чудало, соседушко-домоведушко, кикиморы, лизун, хвостатушко-хвостулюшко, мохнатушко-рогулюшко».

И рассуждал при этом:

«Нравы стали портиться – это везде. И не только у нас. Свое сохранять надо – крестьянский мир. Плохо, когда он расколется. Раньше ведь не было двуличия, которое приходит сейчас. Цивилизация без роста духовного – железная машина, она сминая человека. Тракторист, который сначала плюет на загон, а потом его пашет – вот это и есть цивилизатор. Страшно, когда это видишь! А язык как портится! Народ говорит «здись», «мидь», «виник», а цивилизатор смеется над тем, что не по ему. Русский язык велик, и наречий в нем много. Бережливости не стало к языку».

* * *

Ратую за сохранение исконного северного говора, Ефим Честняков берёт слова как краски, в любом деле он видел душу человека, определяя ее своей формулой: «По красоте твоих грез ты займешь свое место...»

Ефим Честняков создавал день за днем собственное соборное «сердечное искусство», отобразив себя в автобиографических строках:

*Фим трудился многи годы,
Окруженный хором муз.
И носился по народу
С грузами своих искусств.
Так в житейских недосугах
Красоту искусств смекал.*

...

*И проказ же наш Ефимко,
Рыцарь сказочных чудес,
Умудрился невидимкой
В сказке жить – всегда и весь...*

Так и было. На протяжении десятилетий, «всегда и весь» на общественной сказочной службе на пользу великой крестьянской братии, которая по-разному воспринимала своего рыцаря Марко Бесчастного (так Честняков называл одного из автобиографических персонажей, который замыслил создать в деревне-городе чудеса невиданные:

мельничные турбины, озера с пароходами, изюмы-винограды возле дворцов и палат, ковры-самолеты...). Некоторые видели в его трудах интерес всеобщий («Чтоб не в унынье были»), иные прямо называли: «шабловский баламут», «юродивый», «странный мужик, неприкаянный...».

Да он и сам, когда знакомился с новым человеком, просил называть себя попросту:

«Без «ич». Просто Васильев, по отцу – Василий был. И лучше Фим, а не Ефим. А еще лучше Фимка. Так и звали в деревне, когда рос: Фим, Фимка. А Ефим, да еще с «ич» – не выговоришь...»

Эта кажущаяся простота подводила многих в общении с художником. Он-то знал себе цену и открывался далеко не каждому, особенно тем, кто заглядывал к нему из праздного любопытства. В послевоенные 1940-е годы местный председатель колхоза Я.И. Беляев привел в избу Честнякова приезжего начальника, инструктора райкома партии: тот слышал, что этот человек с причудами, «хотелось с ним поболтать», как выразился райкомовец по дороге к дому Честнякова. Беляев рассказывал, что когда они нежданно пришли к Ефиму-провидцу, то он что-то размешивал в чайной чашке ложкой. Председатель колхоза и инструктор сели на лавку. Честняков подошел к ним и отдал инструктору чашку с ложкой, сказав: «Я уже поболтал, а теперь вы поболтайте сколько хотите». Разговаривать с непрошеными гостями не стал...

* * *

Всю свою тяжелую долгую жизнь мастер прожил в одиночестве, в мастерской-овине, куда допускались лишь дети да немногие жители Шаблова, Кологрива и окрестных деревень.

Со временем Честняков, словно оправдывая свою фамилию (единственного в семье сына в деревне называли «честняком»), окончательно стал единственно одиноким среди людского многолюдья, но слившись с окружающей его природой: рекой Унжей, вековыми тополями, под которыми любил отдыхать, взметнувшейся над лесами Шаболой-горой.

«Кроме искусства в непролазных житейских нехватках и недосугах немало затратил сил и времени на ломовые работы (сохой, плугом, косой, серпом, топором и тому подобное). Заботился о воспитании круглых сирот – племянников. Хижину себе строил из совсем ветхого хлама. Вы, может, спросите, возможно ли какое искусство в морозной шалашке? Без теплого ателье. Без намека на покой. Под аккомпанемент гама и сварливых склок, воровства и пьянства, варварских дикостей? И конечно же – на-

добно здоровье, пропитание, материалы и хотя какой-либо досуг. Нет здесь ни мастеров моей профессии, ни сведущих ценителей искусств. Приближалась старость. И все больше беспокоюсь о моих искусствах, на кои затрачена вся жизнь. Надеюсь, рассуждал так: для народа, для страны важное, ценное. Как-то оно будет? Мое положение невозможно представить, если не увидеть лично», – писал Ефим Васильевич в 1950-е годы давнему знакомому К.И.Чуковскому. Добрейший Корней Иванович называл Честнякова «мудрецом», но приехать к нему в Шаблово из своего дачного подмосковного Переделкино не сподобился, а мог бы реально помочь делом. Но помогали другие люди: филолог Александр Гаврилович Громов из Ленинграда, Зоя Ивановна и Владимир Дмитриевич Осиповы из Кологрива, соседи – Серафима Лебедева, Варвара Кудрявцева, Мария Смирнова, Александра Некрасова...

Особо скажу о «Ефимовой подружке» – Варваре Александровне Кудрявцевой. В своей родной деревне Вонюх (Павлово) она слыла молитвенницей – отпевала усопших, крестила младенцев. Обычно, приходя в деревню, Ефим Васильевич останавливался у Варвары, с ней же ходил в лес молиться – в «Зеленый храм». Хорошо играла на гармошке, наряжалась в старинные сарафаны, любила петь приговорки-частушки. На людях наигрывала на гармошке побаску собственного сочинения:

*Я на Фимкину гармошечку
Навешаю лендей (лент),
Чтобы Фимкина гармошечка
Играла веселей.*

О Варваре Кудрявцевой я слышал от З. И. Осиповой, а вот с Александрой Сергеевной Некрасовой встречался в Кологриве, беседовал. Видел у нее в избе в красном углу картину Честнякова «На крыльце я стоял, платье девы целовал» и большой крест из бывшей шабловской часовни... Но, как это бывает, в 2001 году в Кологриве на улице, где жила Некрасова, случился сильный пожар и у нее сгорел дом со всем имуществом. В огне погибли картина Честнякова и шабловский крест...

«Не такой был, как все. Особенный какой-то... Нам до него далеко и долго не дойти... Святой был человек, чудеса творил. Да, да, так. Много разного знал и нам открывал, помогал, коли была нужда. Он, вишь ты, наперед знал про всю нашу жисть. Потому как грамотный был человек, стихи да сказки ловко складывал, с детишками много возжался... Рисовал нас. Да не всех! Только тех, кого полюбит...» – вспоминали земляки своего необычного, в чем-то чуждого им, незнаемого соседа-современника.

Эта мысль проходит и в рассказе ближайшего соседа Честнякова – Виталия Павловича Лебедева (его мать Серафима Борисовна много помогала старцу), с которым я встречался осенью 2000 года. Замечу, что все мои встречи с земляками художника были сняты мною на видеокамеру. Повествование В.П.Лебедева, более расширенное, чем при встрече со мной, даю по книге «Пути в избах», подготовленной Русланом Евгеньевичем Обуховым (Москва, 2008).

Из воспоминаний В. П. Лебедева:

«Я родился в деревне Шаблово. Дом наш стоял рядом с домом Ефима Васильевича. На шабловской земле вместе с Честняковым я прожил тридцать лет. Конечно же, это был необыкновенный человек. Видимо, время от времени Господь посылает на землю таких людей, как Ефим. Это Господень человек. Пример совершенного человека, к чему мы все должны стремиться. Я помню его с малолетства. Так и вижу: Ефим среди детей и он наряжает нас. Или вот: он идет со своей двухколесной тележкой, а вокруг дети и взрослые. В тележке глиняные фигурки, с которыми он проводит спектакль. Потом ведет нас к себе в «шалашку» и читает что-то свое. Часто бывал у нас дома. Вспоминаю, как он для нас, детей, устраивал показ вроде современных диафильмов. У него в ящике была керосиновая лампа, свет от которой проходил через линзы и стеклышки, на которых были нарисованы всякие персонажи. И все это показывалось на стене с белой простыней. Сказки озвучивал сам. Перед входом на это представление мы брали у него билетки, на которых были нарисованы яйцо, курица, огурец...

Одиноким человеком, затворником, что ли, он все же не был. Во всех деревнях были близкие ему люди – он ходил к ним, и они к нему. Но все же большую часть времени проводил в своей «шалашке», читал много газет, был в курсе всех событий. Мать моя, Серафима Борисовна, рассказывала. Ей случилось встать рано утром, и она пошла по делам в поле. Проходя мимо Ефимова дома, она увидела, как его окно озарилось каким-то неестественным светом. Это продолжалось какое-то мгновение, и потом все исчезло. Она сказала, что это у него были ангелы...

А потом на него накатился вал паломничества. Люди шли к нему, особенно солдатские вдовы в годы войны и в послевоенное время, – за утешением, за советом, за предвидением, за исцелением. Народ понимал, что это человек не такой, как все. Он притягивал чем-то, от него исходила энергия, даже излучение. Наверное, это и есть святость.

Конечно, у него не было ни сил, ни условий всех принять. Дело доходило и до «метлой по спине» выгонял (коснись, Ефимушко, специально подставля-

ли спине). Но все равно все уходило удовлетворенные, прикоснувшиеся к чему-то святому и чистому.

После войны я учился. Домой приезжал на каникулы. Среди прочего нам преподавали марксизм-ленинизм. Я, конечно же, как и многие, принимал все за чистую монету. Однажды он пришел к нам, и разговор зашел о войне и мире. Помню, сказал, как меня учили, что мир во всем мире будет тогда, когда всюду будет коммунизм. Ефим страшно разгневался, стал даже на меня кричать:

– Дуботоллина ты этакая, неужель не понятно, что сейкашный коммунизм – это дикость! – И говорил другие резкие слова: – Мир будет тогда, когда все обратятся к Богу и будут жить по его заповедям.

Было это в начале 1950-х годов, и такие слова мало кто говорил. А он уже тогда все предвидел, что безбожный коммунизм закончится ничем. Помню другое его высказывание:

– Ум и разум не одно и то же. Ум бывает хитрый и лукавый. Его имеют клопы, тараканы, жулики, мазурики, а разум – добродетельные люди. Ум может быть и злой, а разум – только добрый. Ум за разум зашел. Ум только знает, а разум еще и добрый. Знание и наука относятся к области ума, а разумными могут быть и совершенно неграмотные люди. Конечно, учение и знание полезны, они освобождают человечество от невежества.

Вот так говорил Ефим очень все мудро. Вот и мне жизнь показала, что всем надо жить не только по уму, а в большей степени по разуму.

А так он молился:

– Дай Бог здоровья живому народу, овцам и коровам, всему поголовью – воду, хлеб, соль, мир, земное богатство. Ушедшим на тот свет – Небесное царство.

Ефим считал историческим фактом всю жизнь Иисуса Христа, но Бога видел не в обрядности:

– Простые люди думают, что Бог – это лампадки да просвирки, да долог ли мясоед. Посты нужны для того, чтобы радость была после этого. Пост – это для несведущих, мы должны быть выше этого.

Прямо скажу, чудно мне это было слышать. А Ефим продолжал:

– После смерти у людей, которые больше живут земной жизнью, у тучных, душа долго не может освободиться от тела и чувствует, как разлагается тело. Неимоверные мучения!

И еще добавлял:

– Человек живет жалостью. Если у человека нет чувства жалости, то он похож на мертвеца. Для чувства неприемлемы никакие знания, чувства – это способность души.

А вот это мне было сразу понятно. Живой пример человека, всем сердцем сочувствующего

людям в их горестях, был всегда передо мной – это был сам Ефим.

Его молитвы я слышал несколько раз. Эти его высказывания я записал еще при его жизни с его слов. Достоверность полная. У меня сохранился тот блокнот, где я записывал все это... Было так: в беседе скажет что-нибудь значительное, он уходит – я и запишу.

Вспоминаю, как мы, молодежь, сидели у Рыжова дома. Ефим пришел, но не сел, а все ходил перед нами, был радостный, шутил, распевал частушки. Очень ясно помню, как он подошел ко мне, а на мне была тенниска и широкие брюки, по тогдашней молодежной моде.

Он и говорит:

– У тебя здись лишку, а здись не хватает. Во всем нужна мера. А гармонь-то у тебя, как беремья дров. Вот у меня – маленькая, легкая.

Я слышал, как он играл на этой гармошке и пел частушки:

*Как повадился медведь
На Илеино ходить.
В Боровое на овес
И с казенной ляд принес.*

*На Карпиевой кулиге
Мы с Лукой у родничка
Съели хлеба по ковриге,
Напились у родничка.*

До последних дней Ефим, как я его видел, да и по рассказам матери, был бодрым, энергичным, я не знаю, чтобы он на что-нибудь жаловался по здоровью. Последний месяц или неделю моя мать и бабушка заметили, что он как-то занемог, реже стал ходить к ним за кипятком и вообще мало выходил на улицу. Конечно же, они стали за ним наблюдать и осуществлять необходимый уход.

Жарким июньским днем 1961 года на 87-м году ушел из жизни Ефим Васильевич Честняков. Вышел из жизни Ефим по своим делам, присел на лавочку отдохнуть, навалился на стену и угас. Угас без мучений, страданий, естественно и тихо. Многие святые умирали именно так. Переход в иной мир готовился всей жизнью.

Весть о смерти Ефима быстро облетела всю округу. Несмотря на сенокосную пору, все жители близлежащих деревень приходили проститься с Ефимом. Особенно много народу было в день похорон. Все были печальны и строги. Все делали молча и сосредоточенно. Конечно, такого человека надо было похоронить по-христиански, с молитвами, но не то было время. Кто-то читал молитвы про себя,

кто-то просто молчал. В скорбном молчании вынесли гроб и, не сговариваясь, понесли на руках, хотя повозка была готова. Процессия двинулась к местному кладбищу, в село Илешево. Шли тем же путем, каким Ефим много раз ходил к народу – летом с тележкой-ондрецом, зимой – с санками. В деревне Крутец гроб взяли на плечи ее жители и несли до деревни Зеленино, а ее жители – уже до кладбища. Народу там собралось еще больше...

Место, где был дом, и Ефимов ключик всегда вызывает у меня эмоциональную волну памяти о моем соседе, святом Ефиме. Так сложились эти стихи:

*В ритме времени мчатся года.
Мы припомним страницы былого.
Засветилась звезда, и родилась судьба
Человека – Ефима святого...*

Не забываются беседы с Ефимом, и многое понимаю заново в его жизни... И в своей тоже. И благодарю судьбу за то, что посчастливилось мне быть соседом Ефима Васильевича Честнякова. Сподобил Бог увидеть святость так вот просто, по соседству, среди родной деревни, и поверить в нее».

* * *

... Я не раз упоминал на этих страницах имя Зои Ивановны Осиповой, с которой познакомился, приехав в Кологрив в ноябре 2000 года. Она и ее муж, замечательный самобитный художник-резчик по дереву Владимир Дмитриевич, были моими первыми наставниками на пути познания личности Ефима Честнякова. В 2008 году Зоя Ивановна выпустила книгу «Обрести память», в которой есть страницы и о наших встречах на земле кологривской. Приведу фрагмент одного из писем З.И.Осиповой ко мне от 26 февраля 2008 года:

«Дорогой Алексей Леонидович, здравствуйте!

Безмерно рада, что Вы «нашлись», откликнулись, спасибо за присланные материалы: здесь замечательное издание стихов Николая Клюева, Дмитрий Лихачев, Высоцкий, талантливый скульптор Михаил Аникушин...

Узнала о Вашем путешествии на Соловки. Неугомонный, творческий Казаков оправдывает свою фамилию. При участии казаков сделано немало открытий по миру, выиграно немало сражений с недругами земли российской!

Дай Бог тебе здоровья и неугасаемого творческого поиска!

Ваши материалы для меня – кладезь знаний... С большим интересом прочитала о каслинском худо-

жественном литье. Сердце заходится от боли – что было! и что теперь!..

Вспоминаю, с каким интересом читал Владимир Дмитриевич книги о возникновении скульптуры с самых древних времен до наших дней... Сколько было талантливых, любознательных людей! И вот здесь – глиняная миниатюрная скульптура Ефима Честнякова, деревянная резьба-скульптура Осипова, вятские мастера-каповщики...

Да не исчезнут из памяти людской имена ушедших из жизни мастеров!

...Посылаю Вам свою книжку, о которой я Вам писала давненько... Боязно! Но посылаю – надеюсь на понимание...

С огромным уважением к Вам,
З. И. Осипова».

Художественное наследие мастера разлетелось по избам, деревням, городам и весям России – от Кологрива и Костромы до Москвы и Камчатки. Само Шаблово – это святое место – почти тридцать лет стояло в полной разрухе, без жителей (итог советской партийной политики в отношении «бесперспективных» деревень Нечерноземья). Одни лишь огромные тополя сиротливо возвышались над всем этим эпическим разором, напоминая о былой красе, воспетой шабловским мудрецом. Стояли неколебимо, раскинув могучие ветви над памятным камнем-валуном с берега Унжи, что установлен ныне на месте честняковского родительского дома (вернее, близ его) – на камне том надпись:

*Здесь стоял дом, в котором родился и жил
художник, поэт, мыслитель
Ефим Васильевич Честняков.
1874 – 1961*

Прочитал я эти слова, стоя под честняковскими тополями, и вспомнил рассказ В.Д. Осипова о давней встрече с легендарным Фимом. Вот о чем поведал мне Владимир Дмитриевич:

«Было это в июле 1951 года. Мы с женой только приехали из Забайкалья, где жили до этого. Она-то родом отсюда, переписывалась с Ефимом Васильевичем. Пришли к нему пешком. Он встретил нас на улице. Потом завел в дом – посидели, познакомились. Показал свои работы, все было хорошо. Потом опять вышли на улицу посмотреть его огородец за домом. Вдруг спрашивает меня: «Ты чем, Владимир, занимался там, в Забайкалье?» – «Охотился», – отвечаю. – «А на кого охотился?» – «Белку стрелял». – «И помногу убивал?» – «Помногу, в некоторый сезон по 400-500 бывало...» Вот он на меня и вскинулся: «Как у тебя рука поднималась, сколько душ ты погубил?! Разве так

можно?..» Я, чтобы не ругаться, отошел в сторону и сел на завалинку. Все мне здесь незнакомо, все это пока не мое, избы, правда, понравились, интересные. Смотрю, на той стороне, за рекой Унжей, сосновый лес густой. А рядом с избой Ефима Васильевича были четыре огромных тополя, сейчас всего два осталось... Залюбовался я этими тополями – поднял голову, мне интересно: шелест листвы идет волнами, ветер такой верховой. И небо очень голубое. И я залюбовался этим делом: мне послышалась в шелесте том музыка какая-то... Я так сижу, голову поднял, гляжу на вершины деревьев, на эту листву, прислушиваюсь. В это время подходит Ефим Васильевич, трогает меня за плечо: «Ты чего туда смотришь?» Он думал, что со мной что-то случилось. Я говорю: «Погоди, Ефим Васильевич, слушаю я». – «А что ты слушаешь?» – «Музыка слышится как бы такая прекрасная, надо же, такие тополя!..» – «Ну-ка, ну-ка, дай-ка сяду с тобой рядышком». Сел. «Правильно, я тоже слышу музыку...» Обнял меня левой рукой, посмотрел и... начал разговаривать со мной, хлопать по плечу. Я смотрю, он меня простил. Так вот с тех пор я, профессиональный охотник, ружья в руки не брал и не ходил на охоту. Вот как он тогда меня отметелил, отделал, внушил. А ведь когда-то был знаменитым охотником...»

В рассказе этом слышна и видна вся философия бытия Ефима Честнякова, наглядно оцугим пантеизм его реально-сказочного существования-присутствия на праотеческой Шаболе. Потому и почитают Фима как святого. Приходят с просьбами к его могиле, а родниковой водой из Ефимова ключа, что течет под Михайловой горой, где свет Божий блесит зимой и летом и яушины вдоль всего мшистого оврага, – той водой от недугов спасаются во все годы, благодать нисходит от нее...

Только сказки больше не сказывают здесь, не звучат языческие Фимовы свистульки – молчит покинутое, утраченное Шаблово. Одна лишь трава-мурава клонится от порывов речного ветра...

Так было еще несколько лет назад. Но народная память-тропа пробилась себе дорогу к заповедному: «шабловским Альпам», Ефимову ключу, оживив деяния блаженного кудесника. И еще к потаенному «Зеленому храму» в сосновом лесу близ деревни Павлово (Вонюх), как говаривал Ефим-старец: «Господь и под елочкой моленье примет, лишь бы молитва горячей была. Молиться-то надо сердцем. Церковь-матушка как показала, так и делай. А домашняя молитва должна быть усердной. Не только крест спасает, а надо, чтобы сердце-то не дремало».

Мария Васильевна Смирнова, наиболее близко знавшая Честнякова, вспоминала, что ее знакомые

и подруги не одобряли того, что она часто бывает у старца. Не верили его словам, тому, что я говорила о нем, насмехались. Она вспоминала:

«Однажды, когда я пришла к Ефиму Васильевичу, он с гневом спросил: «Чего ты там развезла обо мне?» Я поняла, что о нем нужно говорить только там и с теми, где его понимают. Никогда больше в том кругу своих знакомых я не говорила о старце, но не скрывала, что, пока он жив, ходить к нему буду и буду почитать его как человека, приобретшего благодать Святого Духа. Многие могут хатайство старца перед Господом за нас, грешных, да не всегда мы это понимаем. Женщин, не имеющих веры и понятия, Ефим Васильевич называл «стукалками».

Как можно измерить прозорливость? Все ли мы достойны увидеть ее? Понимаем ли мы обличение наших поступков старцем? Притчи Господнего Ефимия надо понимать так же, как и его картины. Какие мы сами – такие и сани.

По поводу церкви Честняков рассуждал так: «Ну как узнать благодать? Где она бывает? Вот вас было трое. Вот двое не видели, а одна видела, как благодать летала возле вас. Вот так и в храме. Кто ее видит, а кто нет. Так и не узнаете, на ком она побывала». Этот разговор был в 1947 году – тогда многие считали, что из церкви ушла благодать, на что Ефим Васильевич говорил: «Ну, и священники не все... – и рукой махнет, – но храм есть храм. Я так понимаю: храм Господень – это наша охрана, охранение, главное место любого поселения».

Таким благодатным храмом для многих односельчан Честнякова стал его дом-овин, где он вел свои душеспасительные беседы, потому и называли его «Господний Ефим», а он нередко говорил о себе: «Ефим-Серафим».

Уже в наши 1990-е годы кологривский священник о. Виктор размышлял: «Видя отношение народа, людей верующих из числа наших прихожан, у нас не возникло сомнения в том, что Ефим Васильевич праведник. Нам не приходилось видеть и слышать нигде (а мы уж на приходах побывали), где бы так почитали своего земляка. При внимательном изучении и исследовании рассказов людей, встречавшихся с Ефимом Васильевичем и даже получавшим от него исцеления, усматривается, что он тщательно скрывал себя под личиной юродивого».

Он жил в тяжелейшее время... Вынужден был скрывать свою религиозность, за ним постоянно следили, ждали момента, как бы и за что зацепиться, чтобы объявить его «врагом народа» и сослать куда подальше. Ведь Ефим Васильевич был человек выдающийся, грамотный, а значит, идейный. Он мог заразить своей идеей других и поэтому был опасен. Когда же бдительное чье-то

око упиралось в юродивость Честнякова, то оно снисходительно позволяло ему жить...

Старец афонский сказал, что святость в человеке может увидеть тот, в ком самом есть эта святость. И недаром существует присловье: «Глас народа – глас Божий». До сих пор народ чтит память Ефима Васильевича.

Похоже, что сейчас наступило время открыть истинный смысл той жизни, которую вел Ефим Васильевич. Этот смысл заключался в подвиге юродства, в помощи своим соотечественникам, их детям, в его творчестве, в котором было сопереживание, забота о том, чтобы люди не потеряли в себе человеческое, чтобы понимали красоту, доброту, любовь и не утратили веру в чудо. Это было так важно в то время, когда нам вместо сердца хотели вставить «пламенный мотор». В наших глазах Ефим Васильевич предстает как подвижник, потаенный монах, молитвенник за свой край, которого со временем нужно канонизировать».

Это звучит и воспринимается как литургическое продолжение живого подвижнического честняковского бытия с оттенком мифологической легенды...

* * *

Усилиями энтузиастов-почитателей честняковского дара в заброшенной некогда деревне устроили этнографический дом-музей Е.В.Честнякова (2004) с рабочей комнатой («шалашкой») и кукольным театром. Так сказочная легенда стала зримой реальностью: широко прозвучало «непризнанное призвание» Ефима-Серафима – от Унжи-реки до океан-морей...

Вот и в уездном Кологриве возрождают сказочное дело Ефима Честнякова: создан детский этнографический культурный центр со своим театром, поются старые и новые песни фольклорной группой «Талица». А еще в соседней деревеньке Шоргутово появилась удивительная девушка Наташа Шарова, рисующая картины в духе древнерусских традиций и мерцающей пространственной живописи Ефима Честнякова...

И в далекой Костроме, где трудами Р. Е. Обухова, В.Г.Поварова, Л.Н.Гладких – подвижников, продолживших просветительское дело шabloвского сказочника, был открыт Центр культурно-исторического наследия мастера (1999). Появились значительные публикации – не только статьи, но и книги. В той же Костроме был издан художественный роман В.И.Шапошникова «Ефимов кордон» (два издания: 1978, 1983); книга «Е. Честняков. О живой воде и своей судьбе» (стихи, 1995), составитель В. Г. Поваров (на правах рукописи); сборник «Ефим Честня-

ков. Поэзия» (1999) – составитель Р. Обухов. Позднее им же были подготовлены и выпущены книги: «Пути в избах. Трикнижие о шabloвском праведнике, Ефиме Честнякове» (2008), «Можжевель неопалимый» (2012) и другие издания.

Мировое искусствоведение, размышляя о большом художнике-мыслителе, ставит его в один ряд с великими мастерами: Пиросмани, Кампанеллой, Пиранези, Брейгелем-старшим. Вспомним, что еще Репин называл молодого Честнякова «русский Танагра» и направлял к заведующему скульптурным отделом Императорского Эрмитажа барону Врангелю, дабы определить честняковские «глинянки» (лепные фигурки) в лучший музей России. Но в ту пору Ефим Васильевич не пожелал расстаться со своими «детушками»... И тогда древнегреческий, почти сказочный город Танагра, известный своими терракотовыми фигурками с изображением сцен из жизни античного времени (III век до н.э.) переместился в Костромскую губернию, в деревню Шabloво. Нет, не легла тень забвения на имя и дела Ефима Честнякова. В год его столетия явились миру в наиболее полном виде живопись, скульптура, сказки, литературные дневники художника. Сегодня само Шabloво и вся мемориальная округа, с деревнями, лесами, полями, превращаются день за днем, год за годом в этнографическое заповедное пространство, ибо истинное счастье наяву, а не в сказке, как о том мечтал Ефим Честняков, – возможно только в согласии со всем живым миром.

Россия – «убогая и чудная» – всегда воспринималась Честняковым как «страдалица великая – красавица, но дикая». Человек государственного мышления, он понимал, что придет время, и бури стихнут, и утро ясное наступит в окне России:

*Между собою мы напрасно
Без толку ссоримся всегда.
И невдомек нам, дуракам,
Что это на руку врагам.
Что ослабевшую от смут
Растащат всю нашу страну.
И на болячках наших ран
Наложат тягостную дань...*

Размышляя о будущем страны, он рисовал в ночном полумраке избы-овина грядущие очертания Города Всеобщего Благоденствия, в котором должен быть и всеобщий мир земной.

«Господний человек», как называли Ефима близкие ему люди, он просил в стихе-молитве «К Создателю»:

*О, научи творить святое,
Служению в жизненных судьбах...
И воскреси мое былое,
И укажи пути в избах.*

Искусство крестьянских изб (вспомним ключевское «Имба – святилище земли»), созданное гением Ефима Честнякова, совершенно иное, отличное от греховной мирской повседневности. У него был свой гармоничный Лад, потаенный, нездешней Красоты, избегающей ложных страстей и обольщений (мысль Р.Обухова). Его картины-фрески достойны лучших памятников эпохи Возрождения мировой культуры, и в то же время они абсолютно самостоятельны в своей изобразительной образности. И отзвук той удивительной образности в поэтических откровениях художника-праведника:

*Люди, дети приходили,
В сказках бережно бродили
И хвалили так и сяк,
Что затея хороша.
Любовались красотой,
Не чурались чистотой.*

*И, конечно же, все это
Не могло быть в одно лето.
Но чрез пять ли, десять лет
Увидит мир, чего здесь нет,
От шалашки этой вот
Городок произойдет.*

*Сроки дальние придут –
Грезы царство создадут.
И тогда-то вот миры
Будут в рай съединены.
Рай нетленных благоденств
Для Евангельских блаженств.*

Как исповедальное завещание прозвучало слово-наставление шабловского ведуна: «Взрослый должен быть как дитя, чтобы войти в Царство Небесное...»

Свое подобное Царствие, но земное, где «на полях Христовых шалашки и дворцы» Руси Кологривской, этот очарованный странник обрел на отчей костромской земле, в близких его сердцу деревнях: Шаблове, Бурдове, Зеленине, Крутце, Лучкине, на речном просторе величавой Унжи. Провел в общей семье поселян, раздарив каждому нуждающемуся, большому и малому, – ЧУДЕСНЫЙ ЯБЛОК своей щедрой, доброй души, ставшей поистине сказочной явью, и прожил долгую неповторимую жизнь. Вот и лесной тетеревиный король на Ефимовом кордоне в заповедной глухой елани квохчет о том же...

*Что-то – сказка?.. небылица?
Или с правдою мечта...*

Да, хочется приходить сюда снова и снова. Заманивает сказка...

Шаблово – Кологрив – Кострома – Челябинск

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

